

Ива Оринерс

Настоящая
СЕМЬЯ

18+

Эва Гринерс
Настоящая семья

«Автор»

2026

Гринерс Э.

Настоящая семья / Э. Гринерс — «Автор», 2026

Вера всю жизнь мечтала о настоящей семье и детях. Но в тот момент, когда ее мечта вот-вот должна была осуществиться - жизнь рухнула. Возможно ли начать все сначала, только в чужом теле, в чужой семье и с чужими детьми? И станет ли чужая семья - своей? Вопросов у героини вначале будет больше, чем ответов. Как научиться выживать по-настоящему и как обрести способность снова любить. Однако, там, где есть вера и надежда - обязательно будет любовь. Хэппи-энд

© Гринерс Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эва Гринерс

Настоящая семья

Глава 1

Я отерла влажный лоб и оглянулась на то, что смогла сделать за сегодня - не так уж и плохо. Поясницу тянуло. Да и чувствовала себя с утра неважно - побаливала голова и немного подташнивало. Однако, пару соток вскопала. Я так и не научилась навскидку определять эту землю, как с легкостью делали это местные жители. Да и куда мне - воспитательнице детского сада по профессии.

Кто бы мог подумать, что меня занесет сюда - в эту глухую деревню на три с половиной дома. Копать землю, ловить рыбу в озере, ставить силки в лесу, питаться подножным кормом и каждый день стараться упахать себя физически так, чтобы психике не было сил даже на то, чтобы видеть сны.

Но иногда они все-таки приходили. В них был мой детский сад, где я была неизменно тетя Верочка для всех моих детей. Они приходили и уходили, а я оставалась тетей Верочка и в двадцать пять лет, и в тридцать, и в сорок... Дети шли вереницей мимо меня - все мимо, хотя я и любила их всех. Каждого. Помнила каждую веснушку, каждую слезинку и каждый вихор на затылке.

А своих не было. Хотелось отчаянно. И каждый ребенок был моим... и чужим. Это было больно.

Еще во снах приходил Павел. Мой муж. Любимый и единственный. Когда мы смирились с тем, что будем только вдвоем, пришло оно, неожиданное - в сорок три года я забеременела.

- Верушка, ты дома? Я молочка принес тебе и салца, - послышался голос старенького моего соседа дяди Леша. Ну как соседа - его дом хоть и был ближайшим к моему, находился в трех километрах. Я сама справлялась со всем, кроме коровы. Промучилась год, да и продала потом. С козами было проще, но козье молоко я не пила, не пришлось по вкусу. Они мне были, скорее, для души, как собаки.

Словно услышав мои мысли, заливисто заголосил мой песель - Краюха. Так обычно называли меня, потому что жила дальше всех. Верка-краюха.

- Дядь Леш, я здесь, - откликнулась я и, очистив галоши от тяжелых комьев грязи, вышла на тропинку, ведущую к дому.

Раньше этот дом был его, а продал он его, потому что лесничество развалилось, сам он стал слишком стар, чтобы жить в глуши. Перебрался в деревню, отдав мне дом с участком за бесценок.

Мы сидели с дядей Лешей на маленькой кухоньке с подслеповатыми окошками и пили чай. Вернее он - чай со смородиновыми листьями, а я крепкий кофе. Сегодня я добавила в него тертый имбирь и корицу. Удивительная вкуснота. Кстати, запасы имбиря кончались, нужно было ехать в город.

От этой мысли меня передернуло. Поездки в город напоминали о прошлой жизни. А я так хотела все забыть - как мне сообщили о гибели Пашки, когда проснулась в больнице и мне сообщили, что ребенка нашего больше нет.

Мы ехали из поликлиники, где нам подтвердили мою беременность. Я шла к машине медленно, словно боясь расплескать свою нечаянную радость и не сразу поняла, что Пашка говорит мне что-то - громко и возбужденно. Только сев в машину, я повернула к нему лицо с улыбкой, готовясь услышать от него что-то очень важное для нас обоих. Ну и услышала.

- Вера, Вера, ты с ума сошла! Какие нам теперь уже дети! У меня диабет, у тебя сердце, нам самим скоро няньки понадобятся! - он нервно завел машину и дал по газам, вороша волосы одной рукой. А я так и осталась сидеть со своей улыбкой, внешне, наверное, не изменившись, только губы онемели. Что он говорит?

- Нам нужно серьезно подумать, пока срок небольшой, - заявил Пашка решительно.
Да что же он такое говорит???

В этот момент я все-таки отвернулась от него, чтобы попытаться выдохнуть и убрать с лица свою дурацкую глупую улыбку. Я даже коснулась губ дрожащими пальцами, чтобы стереть ее. И увидела боковым зрением, что на нас несется автомобиль. Зажмурившись, я почувствовала удар... и очнулась уже в больнице через неделю. Ни мужа, ни ребенка у меня больше не было.

После выписки я пыталась вернуться к работе, но очень быстро сдалась - к чужим детям стало прикасаться больно физически, каждый рабочий день рвал меня на части. Поэтому я купила по объявлению первый попавшийся дом - единственным моим желанием было, чтобы вокруг не было ни души. По описанию дом подходил, и я, собрав в небольшую сумку только самое необходимое, уехала, чтобы больше не возвращаться.

Посмотрев сухими глазами в мутноватое окно, я подумала о том, что хорошо бы его помыть. Но в целом я с этим не заморачивалась. Мутное и мутное. Хочется видеть белый свет - распахни дверь и выйди на улицу. Ветер носил по двору сухие листья, калину трепыхало.

- Поеду я, Верушка, - засуетился дядя Леша, - все хорошо и хорошо.

Дядя Леша потоптался у двери.

- Ну, пошел я. Ты это... не нужно ли чего?

Мои сухие глаза вдруг наполнились слезами.

- Нет, дядь Леш, спасибо.

Он вздохнул и вышел.

Я сидела у окна, пока слезы окончательно не высохли, затем поднялась. Нужно было проверить силки в лесу и сеть в озере. Я старалась питаться только тем, что давала мне эта земля. Сезон охоты только соблюдала неукоснительно. А рыбачить здесь можно было постоянно, до тех пор, пока озеро не затягивалось льдом.

Левую руку снова как-то странно свело. Может быть, стоило остаться дома и полежать, но тогда снова пришли бы мысли и воспоминания, от которых я сбежала сюда, в эту глушь.

На берегу озера было тихо. Ветер, поднявшийся до этого, стих. Как красиво все-таки. Скоро осень. Я поправила платок, повязанный по-деревенски. Как говорится, по-бабушачьи. Я словно специально старалась себя состарить. Потому что думать о том, что впереди еще много лет было невыносимо.

Мостки подо мной жалобно скрипели и прогибались. Ходить по ним было уже опасно - прогнили почти полностью. Но менять я их не собиралась - выдержат как-нибудь.

Встав на колени, чтобы подтянуть к себе сеть, я почувствовала головокружение, резкий прострел в плечо и покачнулась. Сеть оказалась неожиданно тяжелой, и я неуклюже, словно мешок с картошкой, свалилась в воду. Она была еще теплой - прогрелась за день, однако меня словно сковало, и я медленно пошла ко дну, еще не понимая, что вот-вот умру.

Глава 2

В ушах послышался шум, медленно нарастающий, сплошной и плотный, словно какой-то серый туман, заполняющий голову. Сознание пыталось пробиться сквозь него, но тщетно. Я старалась выбраться изо всех сил, цеплялась за ощущения, запахи и едва различимые звуки. Мне показалось, что это были голоса. Почему-то детские. Наверное, это был бред, смешанный с воспоминаниями. Маленькие пальчики настойчиво тянули меня за руки, трогали лицо и волосы.

- Мама! Мамочка! - детский голос зазвенел совсем отчетливо, и мне перехватило горло от его пронзительного отчаяния. Неужели это моя неродившаяся детка зовет меня к себе?

Я невольно рванулась на звенящий от слез голосок и мне удалось распахнуть глаза - сознание вернулось полностью. Так мне показалось в первую минуту. Потому что потом мне захотелось снова зажмуриться, потерять это сознание и очнуться заново - в своем деревенском доме. Ну или, в крайнем случае, в больнице. Однако то, что я увидела, не имело ничего общего с хоть какой-нибудь возможной реальностью.

Я находилась в темноватой комнатке непонятного назначения - то ли спальня, то ли столовая. Стены, когда-то побеленные, были серыми, в разводах и потеках. Напротив моей кровати выделялось чуть более светлым пятном окно, занавешенное грязной рваной тряпкой. Кроме того, стекла, по-моему, еще и порыжелыми газетами были оклеены.

Стараясь не шевелиться, я перевела глаза влево и наткнулась глазами на обладательницу того самого голосочка, который так безутешно и настойчиво звал меня из небытия. А может быть, даже с того света.

Опершись на мою, сомнительного вида постель, на меня смотрело огромными серыми глазами светловолосое создание лет трех-четырёх. Лицо девочки было чумазым, с белыми полосками от слез. Губы ее дрожали и кривились, с них, наверное, готов был сорваться новый отчаянный вопль. Однако, поняв, что я очнулась и смотрю прямо на нее, малышка громко и радостно вскрикнула, навалившись на меня худеньким тельцем. Она гладила мое лицо - щеки, глаза и приговаривала снова и снова:

- Мамочка! Мамочка! Мамочка!

Затем она повернулась и позвала кого-то:

- Коин! Майта! Мама! - и снова прижалась ко мне, вздрагивая и всхлипывая так жалобно, что я совершенно не отдавая себе отчета, невольно подняла слабую руку и приобняла ее, поглаживая по спинке. Сквозь ткань платица проступали позвонки - круглые, как бусины. Почему она такая худенькая? - толкнулся во мне первый вопрос, словно других вопросов - где я нахожусь и почему эта девочка зовет меня мамой - не было.

Послышался топот шагов, и в проем двери, стыдливо прикрытый такой же грязной тряпичей, что и окно, ворвались еще двое детей - девочка лет восьми и мальчик-подросток.

Я пребывала в шоке, поэтому молча смотрела на них, продолжая машинально поглаживать всхлипывающую на мне малышку.

Дети переглянулись между собой и устремились ко мне. Мальчик протянул руку и потрогал мой лоб грубоватой шершавой ладонью, а девочка встала на колени рядом с сестрой, как я поняла - они были похожи, как две капельки, и погладила меня легкими движениями по одеялу, которым я была укрыта.

- Мамочка, скажи чтонибудь. Тебе лучше? - поскольку я молчала в ужасе, не в силах произнести ни звука, она тревожно взглянула на брата.

- Колин, зови мисс Мону, быстрее же! - и снова уставилась на меня с надеждой и страхом.

Я прикрыла глаза и принялась считать частые удары сердца в попытке умерить его бешеный ритм. Нужно было только выяснить - путают эти дети меня со своей матерью или все это плод моего воспаленного воображения.

- Майта, а мама есе пьяснется? - забавно картавя, произнесла младшая девочка шепотом.

- Да, Мия, конечно. Если сейчас проснулась, то потом и вовсе встанет, - объяснила, видимо, как могла старшая.

“Значит, Марта и Мия”, - откликнулся во мне воспитатель, запоминающий новеньких детей в группе.

В этот момент снова слышались шаги и недовольный женский голос, чуть задыхающийся и ухающий, как будто по-совиному.

- Колин! Не тащи меня так! Говоришь, очнулась, а бежишь так, как будто померла! Отцепись от моей руки! - женщина ворчала, как я мгновенно поняла, больше для порядка, но волнение в нотках присутствовало.

Колин, Марта и Мия - снова машинально внесла я в свою запоминалку.

В комнату вбежал такой же белоголовый, как и его сестры, Колин. Я как раз открыла глаза, чтобы удостовериться, что я не сплю. Мальчик замешкался в дверях, потому что тащил, как на аркане, женщину, которая, показавшись из-за дверной тряпки, оказалась невысокой, дородной и краснолицей. Лицо у нее было доброе и сердитое одновременно. Она семенила на коротеньких ножках, пытаясь поспеть за резвым порывистым Колином.

Подойдя к моей постели, она одним движением смахнула девочек в сторону, как котят и присела рядом со мной, внимательно изучая. Затем, так же, как и Колин, она коснулась моего лба. Рука ее пахла дегтярным мылом. Мне не слишком нравился этот терпкий запах — я пользовалась им у себя в деревне для рук и мелких хозяйственных постирушек, но это было нечто знакомое и потому успокаивающее.

- Ну что, Хоуп, очнулись? Может, теперь и без коновалов этих обойдемся? - она точно обращалась ко мне, в этом сомнений не было.

- Меня зовут Вера, - проскрипела я в ответ, глядя ей в глаза, чтобы она поняла меня сразу, - я живу в станице Дядьковской. Вы путаете... - тут у меня закончился воздух в легких, и я закашлялась, а затем постаралась восстановить дыхание. Затылок и ладони стали влажными - я это почувствовала, но продолжала смотреть на женщину по имени Мона в немом напряжении.

Та вздохнула и обернулась к мальчишке Колину - они все маячили чуть поодаль в темном углу, как три белых светлячка. Младшую Мию он неловко, но цепко держал на руках, а старшая Марта обнимала его за ноги.

- Наверное, не обойдется, все-таки, без коновалов, - вздохнула Мона.

Я вдруг испугалась и просипела-прокашляла:

- Не надо! - откуда мне было знать, кем были эти коновалы и что они со мной могли сделать. Лучше было остаться и попробовать выбраться отсюда самостоятельно, выяснив для начала, куда меня занесло, после того, как меня, видимо, выловили из пруда.

- Точно, Хоуп? А то мне возиться здесь некогда, дел невпроворот, а у тебя дети не кормлены. Я уж приглядела туточки немножко, а теперь давай сама, - женщина коснулась моих волос и тяжело поднялась. Кивнула Колину.

- Давай, поднимайте мать, зови, если что, - последние слова она пробормотала почти неразборчиво и скрылась за дверной тряпкой.

А я осталась здесь - на чужой постели, в чужой комнате, с чужими детьми.

Глава 3

Прикрыв глаза, я слышала, как шушукались дети. Потом ко мне подошла средняя Марта и тронула за плечо.

- Mamочка, тебе нужно что-нибудь?

Мне уже много чего было нужно - и по естественным надобностям, и есть, и пить. Делать было нечего - нужно вставать. За закрытыми глазами дальше прятаться не было никакой возможности. Придется пока что замять тот факт, что никакая я этим детям не мать. Почему же все-таки они меня за нее принимают?

- Да, мне нужно встать, - проговорила я каким-то чужим голосом - наверное, это было следствием того, что я чуть не утонула. Я постаралась откашляться и приподнялась, а девочка помогла мне, придерживая под спину. Ее белые длинные локоны щекотали мне руку.

Колина и Мии в комнате не было. Видимо, они тихонько вышли, когда я лежала с закрытыми глазами.

В горле у меня давно было сухо и я попросила воды. Девочка выбежала. Я же спустила подрагивающие в коленях ноги на пол и попробовала привстать, хоть меня при этом и захлестнула волна слабости. Я решила не поддаваться ей и перетерпеть, тем временем оглядывая себя. Рубашка на мне была из хорошей тонкой льняной ткани с ручной вышивкой. Она резко контрастировала с обстановкой и состоянием жилья. Впрочем, дети тоже были одеты в хорошую одежду, хоть она и была довольно испачканной.

Вернулась Марта с кружкой воды, а за ней прибежала и Мия, ткнувшись с разбега в мой бок, от чего я пошатнулась и села обратно на кровать.

- Мия, осторожней! - вскрикнула старшая и протянула мне кружку, содержимое которой я жадно осушила, несмотря на то, что вода была кисловатой и тепловатой.

- Где здесь туалет? - спросила я у Марты. Та указала на большой ночной горшок, который скромно стоял в темном углу. Я в ужасе замотала головой. Этого еще не хватало.

- А нормальный есть? Ну хоть на улице...

Девочка пожалала плечами и кивнула, поглядывая на меня странно. Она помогла мне встать, поддерживая тоненькими ручками-веточками. Малышка поддерживала меня с другой стороны, больше, правда, мешая и путаясь в моей длинной рубашке.

- Мия, дай мамину шаль, - попросила Марта сестру, и та кинулась к вороху вещей, лежавшему на другой кровати. Она извлекла оттуда красивую большую вязаную шаль винного цвета с большими кистями и, еле удерживая ее, подбежала обратно к нам.

Я закуталась в нее, и мы медленно двинулись к дверному проему. На пороге возник Колин, он оглядел нашу неустойчивую процессию и вопросительно посмотрел на Марту.

- Маме нужно... Она захотела на улицу, - деликатно объяснила та.

Парень понимающе кивнул, отстранил Мию и крепко взял меня под руку. Так идти было гораздо легче, и я двинулась вперед гораздо уверенней.

Миновав следующее помещение - что-то вроде сеней и одновременно кухни, мы оказались во внутреннем дворе ветхого домика. Почерневшее строение клозета находилось в дальнем углу, оно было обсажено кустами, вроде бы сирени. Ветки растений были голыми, но, втянув полной грудью прохладный воздух, я отчетливо почувствовала запах скорой весны. Странно... Последнее, что я помнила - стояла ранняя осень.

- Дальше я сама, - твердо сказала я, высвобождаясь из поддерживающих меня рук. Сказала тверже, чем держалась на ногах, если честно.

- Хорошо, мы здесь подождем, - ровно ответил мальчик.

Когда я вернулась, они стояли на том же месте - ждали. Уже начинало темнеть, и их волосы словно светились в сумерках.

“Какая благородная блондинистость”, - подумалось мне.

Мы снова вошли в дом, и я поморщилась от затхлого сырого запаха. От перспективы снова лечь в холодную и такую же сырую постель меня передернуло. Но делать было пока что нечего. Я решила дождаться раннего утра и покинуть этот странный дом тихо и молча, не пускаясь в объяснения. Я слабо себе представляла, как далеко я уйду в ночной рубашке и этой шали. Нужно было найти какую-нибудь одежду.

Под окном стояло ободранное кресло и столик. Я решила присесть там, чтобы не сразу лечь. Малышка не отлеплялась от меня ни на секунду, поэтому пришлось сажать ее на колени. Она положила голову мне на грудь и засопела, посасывая грязноватый палец. Я машинально убрала ее ручку ото рта.

- Mamochka, я кушать хочу, - сонно проговорила она.

Кстати, да, я не видела, чтобы они ели хоть что-нибудь за целый день. Я вопросительно взглянула на Колина, тот хмуро ответил на мой немой вопрос

- Еды никакой нет.

Покачивая Мию, я спросила растерянно:

- А почему?

Мальчик глянул на меня колючим взглядом и вышел. Заскрипели полаты в сенях - наверное, он улегся спать. Я перевела взгляд на Марту - та как раз зажигала огарок свечи, старательно отводя от меня взгляд. Я даже не знала этих детей, но вдруг почувствовала себя перед ними виноватой, бог знает, почему.

Дождусь утра и уйду, только найти ближайший телефон или отделение полиции. Кстати, об этих детях обязательно сообщу в опеку. Ужас какой-то - грязные, голодные, взрослых с ними никого.

Мия свистела носом у меня на коленях, похоже, заснула. Я взяла ее на руки - кроха была легче котенка - и осторожно положила на свою постель. Марта приткнулась на другой кровати, поджав под себя острые коленки. Ее я укрыла своей шалью и, взяв свечу, подошла к окну.

Сначала я попыталась взглянуть в темноту. Глухо и темно, огоньки виднелись тусклые, тишина стояла гробовая. Куда же меня занесло?..

Я перевела взгляд на свое отражение в оконном стекле и тут же отшатнулась от него, едва успев сдержать крик. Сначала мне показалось что за окном стоит незнакомка и смотрит прямо на меня. И только через несколько секунд до меня дошло, что отражение в грязном стекле повторяет мои движения. Оно было моим собственным. Значит, я все-таки нахожусь в каком-то бреду.

У незнакомки были длинные темные волосы, черты угадывались мягкие и правильные. Дрожащими руками я приблизила свечу к стеклу и попыталась рассмотреть это видение. Девушка в окне сделала тоже самое. Это была я. Меня охватил ужас, и я, не раздумывая, задула свечу - отражение исчезло.

Я кинулась к кровати и влезла под одеяло, прижав к себе в безотчетном страхе Мию. Та что-то пробормотала во сне и обхватила меня за шею ручкой.

Мысли металась. Я о таком раньше только смутное представление имела - переселение душ или как там это называлось? В сумасшествие было поверить гораздо проще.

И чтобы не сойти с ума окончательно, я попыталась себя уговорить, что мне всего лишь показалось, и нужно утром найти одежду и добраться до телефона.

Так, дрожа и обмирая, я каким-то чудом заснула, а может быть, впала в забытие.

Проснулась я на рассвете - комната уже немного осветилась слабым серым светом, просачивающимся сквозь прямоугольники подслеповатых окон. Дети еще спали. Нужно было уходить.

Я вспомнила свое вчерашнее видение у окна и взмолилась, чтобы это был сон или наваждение. Взглянув машинально на свои руки, я убедилась в том, чего вчера не заметила - руки

были не мои. Молодые и нежные, не знающие тяжелой работы, кисти изящной лепки. Аккуратные ноготочки. Обручальное кольцо было тоже не моим - наши с Павлом были обычными штамповками, которые продавались в то время во всех магазинах для новобрачных. Кольцо же на моем безымянном пальце было из какого-то темного золота с тонкой вязью и маленьким бриллианчиком.

Набравшись смелости, я снова подошла к окну и попыталась разглядеть отражение. Видно было хуже, чем ночью, но девушка отражалась, несомненно, та же самая.

Стараясь не разбудить никого, я в панике искала в ворохе тряпья что-нибудь подходящее для себя. Нашлось платье в пол, вроде бы моего размера. Спешно натянув его на себя прямо поверх рубашки, я устремилась к выходу. В голове стучало одно: быстрее отсюда, быстрее! Это не мой дом, не мои дети, это не я!

На пороге я отчего-то обернулась. Мия сидела на кровати, глядя прямо на меня.

- Мамочка! - прозвенел ее сонный голосок, и она снова легла.

У меня вдруг сжалось сердце. Ну, как я их оставлю? На кого?

Я медленно прошла к креслу и села в него, обхватив колени. Нельзя же так просто бросить... Сначала я найду того, кто позаботится об этих детях, передам кому-нибудь с рук на руки, а потом уйду. Так я сидела, раскачиваясь, пока не наступило уже настоящее утро.

Глава 4

Первым проснулся Колин. Зашел и огляделся. Если он и удивился, увидев меня одетой и сидящей в кресле, то вида не подал. Молча кивнул и снова вышел. Совершенно очевидно, что парень был на меня за что-то зол. Честно говоря, сейчас мне было на это абсолютно наплевать. На меня слишком много всего свалилось сейчас, чтобы разбираться с дурным настроением случайно знакомых подростков.

В животе у меня заурчало так громко, что я испугалась разбудить девочек. Они проснутся голодные, пусть уж лучше поспят подольше.

Нужно было что-то решать или хотя бы выяснить. И я направилась в сени, где Колин пытался разжечь печурку. Я сразу увидела, что заслонка задвинута и тяги нет. Подойдя ближе, я поправила ее - в комнату перестал валить дым, а пламя почти сразу же весело загудело.

Колин вскинул на меня взгляд, полный недоумения, но снова промолчал. Я тоже молчала - собиралась с мыслями. Наверное, в первую очередь нужно было придумать, чем накормить детей, а потом все остальные вопросы.

- Здесь совсем ничего нет, из чего можно приготовить поесть? - спросила я суховаго.

Мальчик уставился на меня.

- Повариху позовем? Боюсь, нам теперь уже нечем платить, - он резко оборвал сам себя и вышел на улицу, всем своим видом показывая нежелание общаться дальше со мной.

“Да и пожалуйста”, - раздраженно подумала я и принялась обшаривать косенькие шкафчики с болтающимися дверцами. Мною были обнаружены банка с остатками смальца, небольшое количество почти спрессованных от старости мелко помолотых сухарей, несколько проросших сморщенных картофелин и старый чеснок, тоже проросший. Всего этого хватало на небольшое количество похлебки. Куда же я все-таки попала? И почему эта семья оказалась в таком бедственном положении?

В этот момент вошел с улицы Колин. В руках у него было полное ведро воды. Очень кстати.

Он осмотрел убогий продуктовый набор, который я выложила на стол возле плиты и недоуменно спросил:

- Что это?

- Еда, - коротко ответила я и забрала у него ведро, налив в небольшую старенькую кастрюльку воды. Затем отыскала нож в посудном ящике и принялась чистить вялую картошку, стараясь снимать кожуру потоньше.

- Мы будем это есть? - поразился он.

Не знаю, как и чем они питались до того, как я очнулась, но в глубине души я была с ним согласна - все это больше просилось в мусорное ведро, нежели в тарелки. Но, по всей видимости, положение было очень серьезное, и ничего другого попросту не было.

- Не волнуйся, будет съедобно, - немного мягче ответила я, нарезав картошку и высыпав ее в закипающую воду. Обжарив минутку чеснок вместе с зелеными ростками на смальце, я высыпала сухари к картошке и принялась помешивать. Затем заправила импровизированной жаркой и отодвинула кастрюлю с огня. По крайней мере, сытно. Ну и пахло вполне прилично - если не придирааться.

- Откуда... Как ты смогла это сделать? Ты же не умеешь, - Колин смотрел на меня почти со страхом.

Я подумала немного, затем присела на полати, где он спал ночью. Он же пристроился у двери на колченогом стуле, не сводя с меня округлившись глаз.

- Я не помню, откуда я вдруг это умею, - ничего умнее я не придумала. - Я вообще ничего не помню.

- Как это? И нас? И папу? - вскрикнул мальчик.

По всей видимости, наши голоса разбудили Марту. Тряпка, отделяющая кухню от спальни, шевельнулась, и на пороге появилась девочка, сонно моргая и потирая кулачками глаза. Увидев меня, она кинулась ко мне и уткнулась в колени.

- А чем так вкусно пахнет? - спросила она, завертев головой. Заметив Колина у двери, она дернулась и отстранилась от меня. Наверное, боялась вызвать неудовольствие брата.

- Давай поговорим попозже, - предложила я мальчику. Тот хмуро кивнул.

- Разбужу Мию, пока еда горячая, - процедил он сквозь зубы.

Ладно, надеюсь, со временем разберемся, где их отец и что натворила мать, то есть я, чтобы впасть в немилость.

Очень скоро мы сидели за столом и ели это странноватое блюдо. Кажется, это называлось тюрю. Количество едва-едва хватило на всех. А было только утро. Дети с аппетитом ели похлебку, после чего чуть ли не вылизали тарелки.

“Проголодались-то как”, - остро кольнуло что-то у меня в груди.

После завтрака я позвала Колина выйти во двор. Там мы присели на солнышке, и я осмотрела окрестности - какая-то захудалая деревенька на несколько домов. Ну, или окраина города. Неподалеку виднелся лес. Кстати, лес... Даже зимой он может кормить - это я точно знала, задаваясь такой целью добывать себе пропитание, когда переехала в деревню. Стоило сходить туда в поисках какого-нибудь подножного корма. Однако, я сильно забегала вперед. Нужно было сначала разобраться.

- Какой нынче год? - спросила я Колина, который, по-моему уже устал удивляться.

- Тысяча восемьсот шестьдесят четвертый, - пробормотал он, опустив глаза. Факт моей потери памяти, похоже, пугал его.

А у меня внутри все рухнуло, и я невольно схватила Колина за руку - Господи, дай мне сохранить рассудок. Не пугайся, малыш, мне еще страшнее.

Тихонько выдохнув, я попыталась расслабиться, хотя меня пробивала мелкая дрожь. Я изо всех сил пыталась скрыть это от мальчика, чтобы не пугать его еще сильнее.

- А отец ваш где? - было моим следующим вопросом.

Колин вскочил сжав кулаки.

- Как ты можешь не помнить этого? Ну как, мама?

Я тоже невольно встала, обняв себя за плечи.

- Давай спокойней, ладно? Так бывает, когда долго без сознания. Кстати, что со мной случилось?

Колин запустил пальцы в длинноватые волосы и постоял так, затем снова сел. Заговорил глухо.

- Когда папа уходил на фронт, он оставил тебе денег. Их должно было хватить на много месяцев. Только нужно было отпустить прислугу, тратить деньги только на еду и все. Ты поступила ровно наоборот - оставила всю прислугу, принимала гостей, заказывала новые платья и безделушки, а потом и в кредит, когда деньги закончились.

С ума сойти - я попала в тело такой недалекой эгоистичной и безответственной идиотки? Даа, уж занесло, так занесло.

- И что было потом, - спросила, уже предполагая, что именно. Предчувствие меня не обмануло. Колин поведал, что за долги отобрали дом и арестовали все имущество. Дом продали с молотка, а на остаток удалось купить вот эту лачугу.

- После этого ты заболела - доктор сказал: от шока, и слегла. Две недели пролежала. Мисс Мона сказала, что, так и быть, заплатит доктору, но только один раз. Мы ждали, что тебе станет лучше.

В общем, все было ясно. Самое главное - что я никуда не уйду. Дети эти никому не нужны, кроме меня у них никого нет. Будем пробовать выживать, как сможем. А вернется их отец - будет видно.

- Ты можешь одолжить у кого-нибудь из соседей обувь покрепче? - спросила я неожиданно для Колина. Тот неуверенно кивнул.

- Ну да, наверное...

- Пойдем сходим с тобой в лес, может, удастся найти что-нибудь съестное.

Мальчик приоткрыл рот и снова его закрыл. От своей матери он такого услышать тоже не ожидал.

- И, Колин, - я положила руку ему на плечо, глядя в глаза, - прости меня, пожалуйста. Я попытаюсь все исправить.

Конечно, лично я ни в чем не была перед ним виновата, но точно знала - ему нужно было это услышать.

Глава 5

Колин отправился к соседям раздобыть какую-нибудь крепкую обувь. Я же, тем временем, продолжила инвентаризацию шкафов и коробов на кухне. Обнаружила две крепкие корзины и отставила их в сторону. Очень кстати, как раз пригодятся. Конечно, я понятия не имела - что в здешних лесах произрастало, чем вообще была богата эта земля. Но надеялась на свои знания и хоть и относительно небольшой, но вполне ощутимый опыт. Ведь в нашем сельском магазине я покупала только лишь самое необходимое, в духе «соль и спички». Кофе, сахар. Имбирь вот еще. И то, догадалась уже потом выращивать его из кусочков корня на подоконнике. Только вот урожая не дождалась, плюхнувшись так некстати в свое озеро. Но так ли уж некстати?.. Может, я должна была оказаться здесь, чтобы сейчас собираться в лес, добывать пропитание для этих трех осиротевших и оголодавших детей?

Девочки играли в комнате тихонько. Иногда по очереди или вместе выбегая для того, чтобы порывисто обнять меня, и бежали обратно. Кукла у них была одна на двоих. Я задумалась - судя по тому, что Колин мне рассказал, семья была зажиточная. Ну ладно, дом и имущество было продано. Но ведь какие-то вещи должны были остаться. Личные - одежда, игрушки. Ну хоть что-то. Конечно, «добрые люди» могли и растащить под шумок, видя, что защититься семья не может... Я ощутила прилив острой неприязни к матери детей, в чьем теле меня угораздило очнуться. Осуждать, конечно, я не хотела - кто знает, что привело к катастрофе. Может, она была эгоистичной и безмозглой чеховской душечкой, а может, у нее с головой было не в порядке - кто знает. В любом случае, разгрести это мне.

Выживая из коробов с хламом вещь за вещь, я придирчиво рассматривала каждую - пригодится ли она в хозяйстве и можно ли будет использовать. Наверное, это был скарб предыдущих хозяев этой лачуги, который должен был пойти на свалку. Здесь были вперемешку и какие-то старые инструменты, и посуда, и ветошь. Поскольку у нас, по-видимому, не было вообще ничего, я не собиралась избавляться ни от чего, что могло хоть как-то пригодиться.

Вернулся Колин, неся в руках чудовищного размера расхлябанные сапоги и дырявые грязные ботинки.

- Вот, - выдохнул он, - мисс Мона одолжила. Больше ничего нет.

- Очень хорошо, - ответила я ему благодарно, - нужно будет соорудить портянки и можно отправляться.

- Портянки? - изумился он. - Ты будешь носить портянки?

Я пожала плечами.

- А иначе мы собьем ноги. Не в этом же в лес идти, - мы вместе посмотрели на мои изящные туфельки из тонкой мягкой кожи. - Да и у тебя обувь не для походов.

Честно говоря, о том, как наматывать портянки, я знала чисто в теории - из книг и фильмов. Но не боги горшки обжигают, и мы уселись осваивать это на практике.

Отыскав в куче отложенного тряпья наиболее подходящее, я разорвала его на длинные полоски и объяснила Колину примерно, что нужно делать.

Первые наши неуклюжие попытки вызывали у нас сначала сдавленный, а потом уже и безудержный смех. Я впервые увидела Колина улыбающимся. Напряжение, владевшее им до сих пор, отпустило его. С улыбкой мальчишка оказался очень обаятельным и симпатичным. Наверное, его отец был красавцем. Надо сказать, что все дети были похожи между собой и почти нисколько на меня. Ну, то есть на свою мать - насколько я смогла разглядеть себя в мутном стекле окна.

Наконец, наши попытки забинтовать ноги в плотный кокон увенчались успехом - можно было не бояться мозолей.

Я повязала на голову свою теплую шаль - она покрыла меня почти до колен, как пальто с капюшоном. Колин надел курточку и шапку. Мы были готовы.

- Бери корзины, - кивнула я, - давай поторапливаться.

- Ты меня очень удивляешь, - тихо сказал мальчик, когда мы уже шли по проселочной дороге к лесу, - просто, как другой человек.

Я предпочла промолчать.

В лесу было заметно прохладней, чем в деревне, и мы поёжились. Было сыро и кое-где еще лежал снег - не до конца стаял.

- Не может быть, чтобы мы нашли здесь какую-нибудь еду, - недоверчиво сказал Колин, оглядываясь по сторонам.

А я уже увидела первую цель и устремила за добычей - среди лесного сумрака куст дикого шиповника со сморщенными ягодами выглядел почти празднично.

- Что это? - недоуменно сорвал непонятную ягоду Колин, - осторожно попробовав ее на вкус, он выплюнул и категорически заявил, - это же нельзя есть, мам.

- Можно-можно, давай собирай, - подтолкнула я его мягко, - это очень ценная находка. Кроме того, мы не будем это есть, мы будем это пить.

Пока я рассказывала мальчику понятными для него словами о целебных свойствах шиповника и как он может быть нам полезен, мы обобрали куст полностью и даже согрелись.

- Жарко, пить хочется, - оттянул воротник Колин и наклонился, чтобы зачерпнуть снега.

- Стой! - крикнула я, видя, что он собирается отправить пригоршню в рот. - Снег нельзя есть, ты сразу заработаешь ангину. А это нам совсем будет ни к чему. Как я не подумала взять воды, - посетовала я запоздало, - если уж очень сильно хочется пить, то поддержи снег во рту, пока он не растает полностью, и только потом глотай.

С недоверчивым уважением посмотрев на меня, Колин послушался. Мы передохнули несколько минут и пошли дальше.

- Смотри на стволы лиственных деревьев внимательно, - предупредила я, - если увидишь на них наросты, похожие на уши - считай, что на сегодня с задачей мы справились.

Лес был смешанный, поэтому кроме древесных грибов я надеялась найти еще и какие-нибудь шишки с орехами, но пока что не попадалось.

- Мам, вот такие уши? - послышался голос Колина из-за деревьев.

Мы чуть разошлись с ним, внимательно оглядывая каждый ствол. Кроме этого я так же тщательно смотрела под ноги, в поисках зимних опят, гнезд рябчиков и норок мелких зверьков. Конечно, поймать их голыми руками не представлялось возможным, но обнаружив их, можно было бы подготовиться и найти это место в следующий раз.

- Сейчас приду, не отходи никуда, чтобы не потерять! - крикнула я сдавленно, потому что в данный момент тащила из земли топинамбур - я опознала его по высоким высохшим стеблям и листьям, похожим на листву подсолнуха. Это было настоящее сокровище - на вкус он был практически как репа.

В ближайшие дни мы точно не будем сидеть голодными. Кроме того у меня созрели еще кое-какие соображения.

- Мааам! - нетерпеливо позвал меня Колин и я, отряхнув колени от земли и листвы, заторопилась посмотреть, что он там нашел.

Домой возвращались усталые, но довольные. Гордый Колин не позволил мне нести вторую корзину - нес сам в обеих руках. Мы торопились - девочки были дома одни уже долго.

- Кстати, Колин, - вспомнила я, - а вещи из вашего... - тут я запнулась и поправила саму себя, - ...нашего дома - одежда, может что-то еще, неужели все забрали? Ваши игрушки, может быть, документы или что-то в этом роде.

Мальчишка деловито пыхтел, подбрасывая в руках корзинки, чтобы было удобнее нести. Повспоминал. Видимо, в момент выселения семьи из дома дети находились в таком шоке, что он и думать забыл о вещах.

- Вспомнил! - наконец, воскликнул он. - Мисс Мона забрала их в свой дом. Сказала, на хранение.

«Ясненько, - подумала я, - видимо, включила в будущий счет на врача, которого так и не сподобилась вызвать».

Стало понятно, что мне сегодня предстоит нанести визит. Исключительно в целях налаживания добрососедских связей.

Глава 6

Когда мы дошли до дома мисс Моны, как я ее запомнила, то попыталась отправить Колина домой.

- Иди... сынок, - чуть запнулась я, - пригляди за сестрами.

Господи, в прошлой жизни я все бы отдала за то, чтобы у меня был такой Колька - так я про себя стала его называть. И как та женщина с ее характером умудрилась воспитать такого прекрасного сына? - подумалось мне.

- Нет, - насупился Колин, - не пойдешь ты туда одна.

Мои глаза увлажнились, я отвернулась и похлопала ресницами, чтобы не выдать себя.

“Что же я буду делать, когда вернется отец семейства”, - внезапно посетила меня мысль. Привязаться к детям - это одно, а вот перевоплотиться в чью-то жену... Меня накрыл приступ паники, и я взялась за горло, оттянув шаль.

- Маам, - Колин потянул меня за руку, - вот дом мисс Моны.

Я выдохнула, и мы вошли во двор. На нас тут же кинулась с лаем собака - худая и грязная. Однако, с собаками я умела общаться.

Присев на корточки, я распахнула собакену объятия.

- Краюха, иди сюда, Краюха, - собачий холодный нос ткнулся мне в щеку. Потом на меня взвалили лапы. А затем облизали глаза и рот.

- Тьфу, дурочка, - рассмеялась я.

Навстречу неслась хозяйка на коротеньких ножках.

- Хоуп! Оно кусается, Хоуп, осторожно!

Сначала я не поняла, кто Хоуп и кого предостерегала хозяйка. А потом вспомнила - Хоуп это я. Меня теперь зовут Хоуп.

А Хоуп означало “надежда”. Интересно складывалось - Вера в прошлой жизни, Надежда в этой...

Собака ластилась у моих ног, а я чуть распрямилась и смотрела на мисс Мону с холодной и приветливой улыбкой, одновременно поглаживая облезлую и худую собаку.

- Добрый день, мисс Мона! - поприветствовала я ее.

- Миссис Хоуп, ох, миссис Хоуп! - причитала соседка, пытаясь пнуть пса. Тот спрятался за меня и оскалил зубы. Рядом стоял Колин - с прямой спиной, ровный и спокойный.

Я вдруг ощутила прилив энергии, которая так нужна была мне в прошлом. Но и сейчас душевные силы оказались к месту.

- Здравствуйте, мисс Мона, - повторила я, - мы пришли за нашими вещами.

Мисс Мона засуетилась, глаза ее забегали.

- Да вы проходите, пошел вон! - без паузы прикрикнула она на собаку.

Я осмотрела нашу с Колином обувь - она была облеплена комьями грязи. Неудобно было тащить грязь в дом, и я покачала головой:

- Мы торопимся домой, там девочки одни...

В этот момент выполз мужичок, пошатываясь и протирая глаза. То ли спал, то ли пьян.

- Что ты приволоклась, шваль? Убирайся!

Колин дернулся из-за моего плеча, но я удержала его.

Мисс Мона, почувствовав поддержку суженого, подбоченилась и выпалила:

- Я кормила твоих детей две недели, пока ты валялась, богачка! Или кто ты теперь - нищесиротка? Две недели! Ты мне еще должна осталась, да так уж и быть - прошу я тебе, ради сироток, - ее лицо неискренне сморщилось, и она нелепо закрыла лицо ладонью, внимательно глядя на меня сквозь пальцы - ждала реакции.

Набрав полные легкие воздуха, я выдохнула медленно. С моих губ готовы были сорваться гневные и резкие слова, возможно впервые в жизни.

Однако, для Колина это был бы очень плохой пример, поэтому я сдержалась. А вот проявить твердость было жизненно необходимо и я, внезапно обогнув хозяйку, двинулась быстрым шагом к дому.

- Куда собралась? - взвизгнула наша “добродетельница” и попыталась схватить меня за шаль. Мужичонка ее, несмотря на свою плюгавость, тоже засеменил к нам. Однако тут из-за моей спины выскочила собака и, преградив им дорогу, угрожающе зарычала. Видимо, ей доставалось от своих хозяев, и моя нехитрая ласка сделала ее моей защитницей.

Мы с Колином, который несмотря на скандальную ситуацию, ничуть не струхнул, а изо всех сил сохранял серьезность, хотя глаза его смеялись, зашли внутрь дома.

Я внимательно огляделась - обжито, уютно. Никаких сундуков видно не было. Мы с Колином переглянулись.

Пол был выскоблен почти добела, но стоять по-сиротски в дверях я не собиралась и мы пошли к столу, уселись на лавку.

- Мам, а что дальше? - спросил меня мальчишка, хикикая. - Вдруг она все равно не отдаст?

- Договоримся как-нибудь, - ответила я, прислушиваясь - с улицы доносилась перепалка и задорный собачий лай.

Наконец, шум поутих и послышались торопливые шаги. Миссис Мона шепталась с супругом - они, наверное, выработывали стратегию по спасению нашего имущества.

Войдя в дом, миссис Мона скользнула взглядом по оставленным нами следам и поджала губы. Я сняла шаль - мне стало жарко в хорошо натопленном доме. Ничего, скоро и в нашем будет тепло и чисто.

- Миссис Хоуп, - внезапно заискивающе проговорила она, - вы уж извините Дерек, после контузии так нехорош бывает, - она скорбно покачала головой. Я сделала вид, что пропустила мимо ушей ее оскорбления, сказанные на улице и поддакнула:

- Да-да, миссис Мона, понимаю. Так, что с нашими вещами?

Хозяйка дома затараторила:

- Так тяжело было, пока вы болели, мы сами крошечки подбираем, а тут троих пришлось кормить-поить каждый день. Им и похлебочку куриную, и яички, и молочко...

- Неправда! - порывисто вскочил Колин. - Что курам давали объедки, то и нам.

Я положила руку на его плечо и заставила сесть.

Колин сел, пробурчав:

- Мы не просили ничего, но зачем обманывать.

- Продолжайте, миссис Мона, - спокойно сказала я.

Ошибочно успокоенная моим ровным тоном, та зачастила радостно

- Вещички ваши продать пришлось, все до единой, - и развела руками, показывая, что душа и помыслы ее чисты. Глаза были, на удивление, честными.

- Я отдал вам оставшиеся деньги, - снова вскочил Колин, - чтобы мы не были вам должны! А про вещи я совсем забыл, - сник он, - не до того было...

Миссис Мона не ожидала, видимо, что я встану живая и что о вещах кто-нибудь вспомнит. Глаза ее забегали, то и дело останавливаясь на двери в чуланчик справа от нас.

- Вы, наверное, ошиблись, - мягко сказала я, однако в голосе моем звучала сталь, - подумайте хорошенько. Если все так, как говорит мой сын, мне придется обратиться... - тут я чуть было не замешкалась, но продолжила, не моргнув глазом, - обратиться к судебным приставам и тогда вас ожидают официальные разбирательства, и я уверена - всеобщее порицание.

Слушая меня, мисс Мона приоткрыла рот, пытаясь постигнуть смысл явно незнакомых ей слов. Наверное, они прозвучали внушительно. Я выразительно посмотрела на дверь чуланчика и перевела взгляд на хозяйку. Та молчала, совершенно растерявшись.

- Ладно, - поднялась я, - моим делом было вас предупредить. Пойдем, Колин.

Лицо миссис Моны приобрело не особенно симпатичный пунцовый оттенок.

Когда мы уже вышли за дверь, в спину нам прилетело хриплое:

- Обождите! Я, действительно, кое-что запамятовала! Остался сундучок ваш! Дерек! Дерек!

Я незаметно подмигнула Колину, а тот едва не прыснул от смеха.

Хозяин дома появился с хмурым выражением лица. Оттолкнув меня он прошел в дом и снова послышался шепот супругов, теперь уже истерический.

- Уууу! Глупая курица! - взбешенный голос Дерек не оставлял сомнений, что он бы на мой, в общем-то нехитрый развод не поддался бы. Но было поздно.

Злющий, как собака, он выскочил, зыркнув на нас, и пошел прочь от крыльца, а мы вернулись в дом. Лицо хозяйки было заплаканным. Что печалило ее в данный момент - потерянный для нее сундук или осознание того, что она опростоволосилась - мне было все равно.

- Спасибо, что вспомнили, - душевно проговорила я, - зачем нам всем какие-то неприятности, правда? Надеюсь, тележка у вас найдется? Мы тут же ее вернем вместе с ботинками и сапогами.

Колин хрюкнул у меня за плечом. Я с улыбкой повернулась к нему и сделала страшные глаза, затем снова посмотрела на миссис Мону.

- Кстати, миссис Мона, я пересмотрю вещи и, возможно, захочу кое-что обменять на яйца и молоко для детей. На первое время, разумеется. Если у вас есть лишние, конечно.

Миссис Мона скорбно кивнула и отправилась в чуланчик за сундуком.

Глава 7

- Мама, ты как так смогла? Ну как? - Колин подпрыгивал рядом со мной, везя тележку, нагруженную нашими добычами из леса и главным трофеем - сундуком с вещами.

Я сама не понимала, как. Мне просто нужно было вывезти эту ситуацию, начать выживать и помочь выжить этим детям. Ну и самой себе.

- Да не прыгай ты так, - посмеивалась я, впрочем, очень довольная собой.

Конечно, я понимала, что именно сподвигло меня к такой решительности. Вернее, кто.

Мне так хотелось потрепать мальчишку по его белокурым вихрам, что я и сделала.

Тележка, которую катил Колин, сделала зигзаг. Ласки он явно не ожидал.

Мы уже почти подошли к дому. Там в мутном окошке мелькала белая головенка - вторая причина моего практически героизма, а на крыльце, ежась и поджимая то одну босую ножку, то другую - третья.

- Марта, ты почему раздетая стынешь на крыльце! - крикнула я. - А ну, давай в дом!

Я помогла Колину втащить тележку в узкие ворота и немедленно кинулась загонять зареванную Марту домой.

- А почему вы так долгооо... - проревела девочка, икая. В сенях к нам тут же кинулась Мия, такая же зареванная.

Я принялась растирать заледеневшие руки и ноги Марты, одновременно сдирая с себя шаль, мысленно ругая себя за то, что мы так задержались. Колин втаскивал сундук и корзины.

- Поставь воду, пожалуйста, на огонь, да побольше, - попросила я его, - хотела вас вечером отмывать, но если сейчас Марту не согреть - она заболит.

Мальчишка тревожно глянул на сестру, с грохотом кинул сундук на пол, схватил ведра и вылетел на улицу.

- Мам, мне не холодно! - завертелась Марта у меня в руках и с любопытством стала рваться к сундуку, - а что это такое?

Мия тоже живо оставила мои колени, в которых путалась, и первая подбежала к двери, где Колин оставил вещи. Слезы у обеих сестер мгновенно высохли, только подхлюпывать они еще продолжали.

- Марта, закутайся в шаль, и обе марш на кровать. С этим позже разберемся, -скомандовала я, и они обе, хихикая, побежали в комнату. Мартышки какие, - усмехнулась я про себя и стала подкладывать в печь дрова, чтобы огонь разгорелся жарче.

Отыскав веревку и простынь почти без дырок, я соорудила занавес, который должен был служить ширмой. Слава богу, корыто имелось в хозяйстве, и я принялась оттирать его ветошью.

Вода согрелась быстро, и первой мыться и греться отправилась замерзшая Марта.

Искупав девочек, я предложила Колину помыться в следующей порции горячей воды, но тот застенчиво покачал головой.

- Еще дров нужно натаскать, все равно испачкаюсь.

Я тоже решила отложить принятие спа-процедур на более позднее время - нужно было готовить обед.

Первым делом я рассортировала добытые нами лесные дары. Потушу сегодня древесные грибы и сделаю отвар шиповника, решила я.

Страшненькую вялую морковь я на кухне отыскала, также как и ужасающих размеров проросшую луковицу. Ну, почти отлично.

Очистив грибы, я нарезала и залила их кипятком. Через полчаса можно будет приступать, а пока что принялась чистить овощи.

Тушить пришлось на воде, но грибы пустили ароматный сок, и в доме запахло едой.

Помешивая ложкой грибное рагу, я понимала, что так мы долго не протянем. Детям нужен полноценный белок. Нужно было разобраться с вещами, отобрать кое-что для обмена на яйца, курятину и молоко. А потом придумать, как обходиться самим. Заводить хозяйство, кур. Попытаться сделать запруду в ручье и ловить рыбу. Каким-то образом зарабатывать деньги.

После обеда, который все слопали с таким же аппетитом, как и завтрак, девочки стали клевать носом, и я отправила их полежать. Вскоре они уснули.

- Колин, - негромко сказала я, - давай посмотрим, что в сундуке, - нужно будет что-то из этого... обменять на продукты.

Я густо покраснела, почувствовав, что сейчас распоряжаюсь чужими вещами. Выхода другого не было, но мне нужно было понять, что из содержимого является для этой семьи, возможно, неприкосновенной реликвией.

- Давай, - охотно кивнул мальчик, - и полез ковырять замок.

“Как он кидается делать любую работу, - подумала я удивленно. - А ведь вряд ли ему приходилось все это раньше делать - колоть дрова, таскать воду”.

И я снова провела рукой по его льняным, как у сестер, волосам. Колин поднял на меня взгляд и коротко улыбнулся, а потом снова сосредоточенно склонился над замком.

Наконец, ему удалось открыть его и мы склонились над содержимым. **Женская одежда была вызывающе нарядной. Остальные нужно будет продать сразу.** Причем сначала узнать, где можно будет это сделать подороже. Не миссис Моне, а, может, сдать в магазин готового платья за полцены - наряды все были новенькими. Видимо, куплены в последнее время. Во мне снова закипела злость, но сейчас она была бесполезной, и я абстрагировалась от нее, собравшись с мыслями.

Далее следовала детская одежда. Она была попроще, но добротная и на вид дорогая. Это следовало оставить полностью - на детях все горит, особенно в таких условиях, как здесь.

А вот дальше оказалось сложнее. Так. Корзинка для шитья, вернее для вышивания. Вряд ли миссис Хоуп проводила время за рукоделием. Наверное, это был обязательный атрибут леди в гостиной. Отобрав нитки и иголки для починки одежды, я оставила саму корзинку к платьям - туда же, на продажу.

Когда дошла очередь до шкатулки с побрякушками, я заколебалась. Их не продали вместе с домом и остальными драгоценностями, может, это было наследство девочек? Господи, как же трудно решить, в сущности ничего не зная о чужой семье. Пока что я нерешительно оставила шкатулку в третью сторону. Торопиться не стоило.

Колин ничего не сказал на это. Возможно решил, что я оставляю драгоценности себе и не удивился.

Серебряные столовые приборы отправились в горку для продажи без раздумий, оставила я пока что лишь три маленькие чашечки с выгравированными именами детей. Пусть пока полежат.

Открыв бархатный футляр, я обнаружила в нем небольшое очень красивое зеркальце в виде бабочки и гребень ему в пару. Вещицы были удивительно изящно сделаны и инкрустированы какими-то зелеными камешками. Конечно, продать, - мелькнула у меня мысль и я машинально поднесла зеркало к лицу, впервые увидев себя близко, ясно и четко.

Так вот вы какая, миссис Хоуп. Вера-Надежда-без-любви. Волосы темные и блестящие, кожа как дорогой фарфор, румянец легкий и нежный. Несмотря на перенесенную болезнь, я выглядела, как новая кукла. Образ довершали большие глаза в пушистых ресницах. Цвет радужки был сложный, глубокий, как темный аквамарин. Чего уж, красотка. Ну и мерзкое же ты существо, подумала я с презрением, обращаясь к незнакомке в зеркале, и безжалостно запихнула зеркало обратно в футляр, намереваясь отложить его к нарядным платьям.

Сообразительный Колин, который уже понял что куда отправится, внезапно вскрикнул, останавливая меня жестом.

- Мама, это же папа тебе подарил! Прабабушкино!

Моя рука замерла. Вот это я и имела ввиду - как и в любой семье, здесь существовали свои реликвии, которые если дороги не мне, то детям, как память.

- Я просто ошиблась, сынок, - спокойно ответила я и бережно отложила футляр к детским вещам.

На самом дне сундука лежали какие-то бумаги, несколько газетных гранок, свернутых в несколько раз и стопка фотографий.

Сердце у меня громко застучало. Вот оно. Вот, откуда я узнаю где я и что происходит вокруг. И фотографии.

- Мам, смотри, папа, - Колин вытащил из стопки рамок одну и разглядывал ее, а затем протянул мне.

Глава 8

С портрета на меня смотрел светловолосый молодой мужчина, чуть улыбаясь, но серьезно как-то. Словно здороваясь и смущаясь. Сразу стало понятно, в кого пошли все дети. Белобрысые и красивые.

Колин заглядывал через мое плечо, дыша мне в ухо, и мне стало жарко.

- Как хорошо, что мы отняли этот сундук у мисс Моны, - проговорил он благоговейно, - а то бы ни одного портрета папы не осталось.

Вот, что было у мальчишки самым главным в этом сундуке, ёкнуло у меня внутри. Он готов был работать физически, чтобы сберечь и прокормить сестер, но портрет отца был для него священным.

Неудивительно, при такой-то матери, опять же злясь, почти ревнуя, подумала я.

- Да, сынок, - дотронулась я до его плеча, - ты иди отдохни, я закончу здесь. Странно, но слово "сынок" мне далось абсолютно без труда. Хотя я и думала вначале, что контакт с ним мне дастся труднее всего.

Мальчишка явно устал, потому что просто кивнул и отправился на свою лежанку в сенях. А я почувствовала, что устала тоже - столько всего за сегодня произошло.

Да только ли за сегодня? За два дня я превратилась из деревенской отшельницы Веры в многодетную мать семейства Хоуп. Надежду - откликнулся во мне перевод имени.

Я захватила все бумаги и переместилась на свою кровать. Потом, поколебавшись, вернулась и забрала бархатный футляр, где покоились зеркало и гребень. Что было уж притворяться перед собой - я знала, что меня еще раз потянет посмотреть на себя.

Но вначале нужно было узнать главное. Для начала, наше полное имя. Первые же документы мне подсказали, что муж мой был почетный эсквайр, и звали его Алекс Мартин.

Голова закружилась, потому что с фамилией мы все как будто стали не просто людьми, которых столкнула петля времени, а семьей.

Я оттолкнула от себя портрет, как будто он был хоть в чем-то виноват, отложила толстую пачку документов и откинулась на стену, вытерев вспотевший лоб. Борясь с подступившей тошнотой от иррациональности происходящего, я бессознательно ощупывала пачку бумаг.

Так, что приготовить на ужин? Хорошо, топинамбур, как же нужно масло... Хоуп Мартин, я Хоуп Мартин... У меня трое детей, Колин старший, Марта и Мия. И муж Алекс Мартин эсквайр.

Тут я поняла, что рефлексировать бесполезно. Хуже того - просто нельзя, иначе дети просто останутся с очередной сумасшедшей матерью.

Попытавшись взять себя в руки, я взяла бумаги. Но руки дрожали, и пачка листов просто рассыпалась у меня на пол. Собирая их, я тряслась, как холодная и голодная собака.

Сев на полу, я попыталась успокоиться, собрала волосы в пучок. Однако заколоть было нечем, и я вновь распустила их по плечам. Я охватила сама себя руками и попыталась покачаться из стороны в сторону - так иногда поступали дети в одной из моих коррекционных групп. Кстати, это немного помогло - дрожь утихла, и я смогла более спокойно собрать бумаги.

И тут мне попала тонкая, перевязанная бечевкой пачка. Письма?

Я откинула пряди волос с лица и судорожно развязала ее. Да, это были письма Алекса Мартина с фронта.

В этот момент пошевелилась и тоненько заплакала во сне Мия. Я кинула письма на кровать и бросилась к соседней кровати. Там я долго стояла рядом, поглаживая ее влажный лобик. Наконец, малышка спокойно засопела. Я машинально погладила лоб Марты - он был горячеватым, как мне показалось. Господи, только не это! Сколько она простояла на холодном крыльце босиком? Как я буду лечить ее, если что???

Теперь меня разобрала злость и на их отца, который оставил их с беспутной матерью. Я пошла обратно, чтобы во всем разобраться. Сначала газетные гранки - так мне хоть что-то будет понятно. В каком времени я оказалась, где мы находимся и на какой войне их отец.

А потом письма...

Меня воротило при мысли, что нужно вскрыть их и прочитать то, что предназначено не мне, но это было необходимо.

Итак, я пробежала глазами гранки и ничего из них не поняла. Объявление войны между Романдией и Ноэрией. Я не знала этих стран, никогда не слышала о них. Ладно, дальше. Призыв на фронт и списки, среди них Алекс Мартин. Все это было похоже по времени на всем известную войну времен "Унесенных ветром".

Наряды Хоуп были попроще, как будто времен нашей второй мировой - в общем, я ничего не смогла понять.

Нужно было читать письма Алекса, а этого я не хотела сейчас больше всего.

Поэтому, услышав голосок Мии "Ой, Рутти!", которая проснулась и увидела свою куклу, я быстро собрала бумаги в стопку, и пошла снова к кровати девочек, чтобы пощупать лоб Марты, которая еще не проснулась. И это беспокоило.

Глава 9

И все-таки Марта заболела. Я ругала себя на чем свет стоит - ну можно же было пойти потом за этим сундуком.

Вечером девочка проснулась и отказалась от еды, слабо порадовавшись своей кукле. Колин смотрел, ожидая от меня новых чудес, а я лихорадочно соображала, что можно сделать прямо здесь и сейчас, отпаивая Марту отваром шиповника. Был уже глубокий вечер. Какие врачи, какие соседи.

- Колин, есть здесь кто-нибудь еще, кроме миссис Моны? - почти беспомощно спросила я.

Тот неуверенно пожал плечами, со страхом глядя на Марту, которая не поднимала головы от подушки, только изредка открывая глаза.

- Неси холодную воду, - произнесла я, - нужно сбить жар сейчас, а завтра позовем врача.

- Как холодную? - поразился он. - Она же еще больше заболеет!

- Неси, я потом объясню, - отрывисто произнесла я.

Нужно было охладить голову девочки немедленно, на рассказы про мелкие сосуды головного мозга, которые плавятся сейчас не было времени.

- Хорошо, я мигом, - Колин метнулся за дверь, а я дула Марте на самые крупные сосуды, разгибала ручки и ножки, чтобы хоть чуть-чуть охладить.

Мия забила мышкой в кресло, прижав к себе обеих кукол, испуганно глядя на меня.

- Все будет хорошо, детка, - заверила я ее, не будучи сама так уверена.

Подоспел Колин с водой.

- Золотой мой, нарви несколько тряпок, - попросила я его, - и одну большую прямо от занавески в сенях. Половину оторви и неси сюда.

Намочив большой кусок ткани, я обернула Марте головку, а потом стала накладывать холодные тряпочки на руки и под коленки. Ткань моментально нагревалась и высыхала.

Колин понял, что нужно делать и только успевал смачивать тряпки, а я только успевала менять их. Был бы хотя бы уксус или водка!

Но за пару часов мы справились - температура стала спадать.

- Мам, а как так, - спросил меня тихонько Колин, - почему холодным надо?

Я оглянулась на Мию - та так и уснула в кресле в обнимку с куклами. Бедный ребенок, нужно же уложить ее как следует. Боже мой, я ничего не успеваю...

- Понимаешь, когда человек горит от температуры, это же кровь горячая - нужно охладить, - попыталась объяснить я мальчику, - а самые крупные сосуды, вены - на сгибах локтей, вот здесь и под коленками. А голова - самое опасное место, нужно в первую очередь охладить.

- Мам, - опасливо спросил он, - а ты откуда знаешь?

Я откинула липкие пряди со лба. Ну как объяснишь, что в мое время это знает каждая мать. И тут я вспомнила, что я не мать, а воспитатель детского сада. Мне по работе следовало это знать.

Кто я здесь? Не мать, не воспитатель. Выживаем, вот и...

- Мамочка... - протянула ко мне руки Марта, открыв глаза. Взгляд был ясный, лоб на 37,2.

Госсподи, спасибо...

- Колин, как вызвать врача? - проговорила я слабо.

Колин был бледен, но держался. Опора моя здесь, солнце моё.

- Нужно спросить у миссис Моны, я не знаю, - растерянно ответил он.

“Ну, до утра продержимся”, - решила я.

- Переложите, пожалуйста, Мию на кровать, а я лягу с Мартой. И сам ложись, - проговорила я.

И это всего один мой день здесь, и все еще впереди, - подумала я, засыпая.

Глава 10

Наутро я проснулась от крика петухов, далекого лая какой-то собаки. Потянувшись, подумала было сквозь сон, что нужно накормить живность, Краюху и копать дальше... А потом подскочила, как ужаленная - Господи, у меня нет никакой живности, краюхи тоже больше нет, а что, что??? Я в другом мире, дети...Марта! В памяти пронесся вихрем весь вчерашний день и я, вспомнив все, осторожно повернулась влево.

Марта спала рядышком со мной, сипло дыша. Я коснулась ее лба. Температуры не было, и я облегченно вздохнула, в который раз уже в этом мире, хотя все трудности были еще впереди.

Осторожно выбравшись из-под шали, которой мы были укрыты, я встала, чтобы умыться и начать новый день.

Вот оно как с детьми. Когда я мечтала о ребенке, я думала, что знаю и умею все. Конечно, так оно и было, учитывая мой опыт работы. И, конечно же, время, в котором я жила.

Вызвал скорую, приехал в больницу, там позаботились. Есть круглосуточные аптеки, есть интернет, да и люди вокруг. Что было у меня здесь? Только непонятно злобредная соседка и Колин.

С теплотой я подумала о мальчишке, который моментально простил матери ее огрехи, которые загнали его с сестрами в эту беду, и стал помогать, не зная устали.

И я пообещала себе, что сделаю все, что от меня зависит, чтобы у него, да и у малышей осталась часть нормального детства. С играми, сказками, теплотой и любовью. Пока не вернется их отец. А дальше видно будет. Я вспомнила белокурого мужчину с портрета и огляделась в поисках писем.

- Пить, - сонно проговорила Марта, и я метнулась в сени за отваром шиповника.

Напоив девочку, которая, не просыпаясь, сделала несколько глотков, я уложила ее обратно и подоткнула вокруг нее шаль. Потом подошла к Мие, которая выглядела совсем крохотной на большой для нее постели. Она спала тихонько, посасывая большой палец одной руки. Другой малышка обнимала свою куклу. Покрывало сбилось, и я поправила его, также подоткнув под бока и ножки.

Письма от ее отца к матери лежали тут же на колченогом столике. Я взяла их и, осторожно ступая, вышла сени.

Колин спал на лежанке, закутавшись в какую-то ткань. Воду после купания мы вчера так и не вынесли, и воздух стал холодный, сырой. Конечно, было не до этого, но я почувствовала угрызения совести.

Вновь отложив письма, я взяла большую плошку и стала вычерпывать воду и относить ее за дверь во двор, выливая ее там.

Уже почти рассвело, и каждый раз, выходя, я оглядывала двор. Для огорода места было достаточно, можно посадить картошку, лук, морковь. А в дальнем углу сделать загон для кур.

Сделав несколько ходок с плошкой, я, наконец, смогла поднять корыто с остатками воды и вынести его. На пороге я задела корытом косяк двери, чем разбудила Колина. Он подскочил, как ошпаренный, и некоторое время не мог сообразить, что происходит.

Увидев меня, он кинулся помогать, хотя самого еще качало ото сна.

- Как Марта? - первым делом спросил он хрипловато, перехватывая у меня корыто.

Я отпустила посудину и опустилась на крылечко, наблюдая, как он аккуратно выливает остаток воды в небольшую канавку.

- Сейчас нормально, температуры нет, - ответила я, глядя на него. Такой сосредоточенный, серьезный. Интересно, он уродился таким или внезапный жизненный поворот заставил его внезапно повзрослеть?

Весь в отца - почему-то мелькнула у меня мысль. Я снова вспомнила о письмах - их срочно нужно было прочитать, но сейчас Колин.

- Ты выпался? Есть хочешь?

Мальчик поколебался, но кивнул.

- Очень хочу.

- Сейчас, - я поднялась и прошла в сени-кухню. Насколько я могла осмотреться за вчерашний сумасшедший день, в доме были еще комнаты, но их я еще не видела. Да и когда было...

Разогрев остатки вчерашнего ужина, я положила мальчику поесть. Черт, даже хлеба нет. И я внесла в обязательный список муку.

Себе я налила горячей воды и села рядом с ним, наблюдая, как он ест. Было видно, что он привык пользоваться вилкой и ножом, поэтому неуверенно помогал себе пальцем, смущаясь. Я отвела взгляд.

- Колин, что за люди здесь живут, кроме миссис Моны? Расскажи мне подробней.

Я, как могла, расчесала волосы руками и снова взяла помятую железную чашку с горячей водой, изо всех сил представляя, что это кофе.

Колин задумался.

- Папа говорил, что это сычи-отшельники, у нас в городе они редко появлялись. А еще он говорил, что их нужно... - он замолчал, вспоминая, - что их нужно... социализовать...

- Социализировать, - машинально поправила я.

- Точно, - с облегчением подтвердил мальчик, - и выскреб остатки еды из тарелки.

Ну что ж, значит мы попали, малыш. А не только я.

- А что в городе? Он вообще большой? - задала я следующий вопрос.

Колин затих, а потом спросил прерывающимся голосом

- Мам, ты совсем ничего не помнишь? И папу тоже?

Похоже, ему было страшно.

- Малыш, - осторожно ответила я, - что-то помню, вернее, вспоминаю, а что-то совсем нет. Ты сможешь мне вспомнить?

Мальчик затих, а потом признался внезапно:

- Я даже не знаю, хочу я, чтобы ты вспомнила или нет... а вдруг ты станешь... как раньше...

Меня захлестнула волна нежности и привязанности.

- Иди ко мне, - внезапно сказала я, протянув к нему руку.

Колин поколебался, а потом встал и сделал ко мне нерешительный шаг, сел рядом и прильнул ко мне.

Я обняла его и прижала к себе.

- Не бойся, зайчик, теперь все будет хорошо, я обо всем позабочусь.

Поглаживая мальчишку по спине и затылку, я несколько раз коснулась губами его бело-брысого затылка. Он доверчиво затих в моих руках, а я покачивала его слегка, как маленького.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.